

Добаев Игорь Прокопьевич

**ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ:
СУЩНОСТЬ, ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

Специальность 09. 00. 11 - социальная философия

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ростов-на-Дону - 2003

Работа выполнена в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Ростовского государственного университета на кафедре социологии, политологии и права

Научный консультант доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

Официальные оппоненты:

- доктор философских наук.

Игнатенко Александр Александрович

- доктор философских наук,

профессор

Давидович Всеволод Евгеньевич

- доктор философских наук,

профессор

Коновалов Валерий Николаевич

Ведущая организация - Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Защита состоится «6» июня 2003 г. в 13-00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.208.01 по философским и социологическим наукам в Ростовском государственном университете (344006, г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК РГУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного университета (г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «5» мая 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Маринов М.Б.

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы. В течение последних десятилетий в разных районах мира формируются зоны возрастающей многоуровневой неустойчивости - социально-политической, этнополитической, военно-политической - с активной вовлеченностью в дестабилизирующие процессы и акции радикальных исламских организаций, движений, группировок и режимов, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение (РИД).

Современное радикальное исламское движение зародилось в начале прошлого века в Египте. Первоначально в противовес мощным тенденциям секуляризации, появившимся после распада Османской империи, шейхом Хасаном аль-Банна в 1929 г. была основана ассоциация «Братья-мусульмане». Позже ее филиалы были созданы во многих других странах, а также образовались другие организации аналогичной направленности. Во второй половине XX в. и особенно в 70-90-х гг. фиксируется практически синхронная активизация религиозно-политических движений радикальной направленности в странах мусульманского ареала. В настоящее время РИД в той или иной степени охватило практически все мусульманские страны. Более того, оно проникло в те регионы, где мусульманское население является меньшинством (Южная Африка, Западная Европа, США), его деятельность, начиная с середины 80-х гг. XX в., стала распространяться и на Россию.

РИД, выступая частью более широкой тенденции политизации ислама и реисламизации мусульманских обществ, является реальным и существенным фактором современной политической жизни, поскольку во многих странах, особенно Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Юго-Восточной Азии, оно превратилось в серьезную оппозиционную силу. Однако наибольшую опасность представляет его экстремистское крыло, деятельность которого стала одним из ключевых факторов, дестабилизирующих международную обстановку, тем более что в последние годы фиксируются устойчивые и целенаправленные тенденции по консолидации входящих в него организаций. «Исламский» экстремизм обладает мощным потенциалом, нацеленным на экспансию наиболее реакционных положений своих идеологических доктрин и эскалацию политической практики насилия. Его разрушающий порыв направлен на слом и упразднение секуляризованных обществ, он игнорирует нормы международного права, отрицает такие его ключевые положения, как государствен-

ный суверенитет, территориальная целостность, незыблемость границ, уважение прав граждан и запрещение применения силы для достижения политических и иных целей.

Идеологической базой и одновременно политической практикой РИД, осуществляемой в самых разнообразных формах, «основным поставщиком и главным распространителем **терроризма... является... радикальный ислам**»¹ (другие названия - исламский радикализм, или **исламизм**). Одновременно подчеркнем, что «исламский радикализм» не может отождествляться с исламом вообще. Поэтому предметом познавательного **интереса** в диссертации выступает не собственно великая мировая монотеистическая религия - Ислам, - а лишь те его радикальные и превращенные формы, которые ради достижения поставленных их инициаторами политических целей трансформируют религию-веру в идеологический инструмент, оправдывающий насилие в любых его видах.

С учетом изложенного, изучение «исламского радикализма» и его крайних проявлений имеет не только научно-методологическое, но и большое практическое значение для понимания ситуации, складывающейся в мусульманских **регионах**, и адекватного реагирования на нее.

Степень научной разработанности темы. Исламский радикализм становится предметом изучения, начиная с 80-х гг. XX в. За последние годы защищено несколько диссертаций, в которых в той или иной степени затрагиваются отдельные аспекты исламского радикализма. Это - «исламское возрождение», взаимоотношение ислама и государства, идеологические функции ислама (Г.Р.Балтанова, С.В.Голунов, Н.В.Жданов, Ю.А.Зарахович, М.Ибрагимов, А.В.Малашенко, Г.Б.Фаизов, Ф.И.Хачим)².

¹ Сиван Э. Радикальный ислам: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik. - 1997. - № 8. - С. 1.

² Балтанова Г.Р. Социально-политический анализ зарубежных концепций эволюции ислама в России и СНГ. Дис. ...докт. филос. наук. - М., 1994; Голунов С.В. Ислам в СНГ в общественно-научной мысли Запада. Дис. ...канд. ист. наук. - М., 1998; Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. Дис. ...докт. филос. наук. - М., 1985; Зарахович Ю.А. Анализ исламского возрождения на постсоветском пространстве печатью США. Дис. ...канд. ист. наук. - М., 1998; Ибрагимов М. Современная англо-американская политология об «исламском возрождении». Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1990; Малашенко А.В. Феномен ислама в политической жизни СССР/СНГ. Дис. ...докт. ист. наук. - М., 1995; Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения. Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1993; Хачим Ф.И. Проблема государственной власти в исламской доктрине (на примере шиизма). Дис. ...канд. юр. наук. - М., 1992.

Ряд исследований посвящен проблеме влияния исламского фактора на военную политику, учету его в боевой деятельности войск (Г.П.Герейханов, П.А.Денисенко, В.М.Дерябин, И.Н.Кудинов, Н.И.Марчук, С.А.Мельков, С.А.Мозговой)³. Работы З.С.Арухова, Х.В.Дельмаева касаются разработки концепции джихада в исламе⁴. Проблемы конфликтов на этнорелигиозной основе, идеологической мотивации деятельности исламских фундаменталистов, соотношения религиозного и национального факторов раскрываются в работах Д.Б.Мальшевой, Э.Томе, М.Хишам⁵.

Отдельные аспекты исламского радикализма затрагиваются также в работах зарубежных авторов (А.Беннигсен, О.Карре, Н.Кедди, Ж.Кеппель, М.Краммер, Ш.Лемерсье-Келькеже, Е.Мортимер, М.Олкотт, М.Родинсон, Я.Рой, О.Руа, Ш.Хантер, Д.Эспозито и др.). Однако несмотря на повышенный интерес к исламскому радикализму в современном мире, в отечественной и зарубежной литературе он рассматривается фрагментарно.

Следует подчеркнуть, что в философской и научной литературе понятие «исламский радикализм» наполняется разным содержанием, что затрудняет философское обобщение результатов научных исследований по

³ Герейханов Г.П. Религиозная ситуация на Северном Кавказе и ее учет в управленческой деятельности органов и войск ФПС России. Дис. ...канд. филос. наук. М., 2000; Денисенко П.А. Современная религиозная ситуация в РФ и ее вооруженных силах. Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1997; Дерябин В.М. Деструктивная роль исламской оппозиции в политическом урегулировании афганской проблемы в 1979-89 гг. Дис. ...канд. ист. наук. - М., 1990; Кудинов И.Н. Соотношение нравственного и религиозного сознания в духовной жизни воина российской армии. Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1997; Марчук Н.И. Война в Афганистане. Дис. ...докт. филос. наук. - М., 1993; Мельков С.А. Исламский фактор и его влияние на военную политику России. Дис. ...докт. полит. наук. - М., 2002; Мозговой С.А. Становление и развитие взаимодействия Вооруженных Сил РФ с религиозными объединениями в 90-е гг. XX века. Дис. ...канд. ист. наук. - М., 2001.

⁴ Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис. ...канд. филос. наук. - Махачкала, 1995; Дельмаев Х.В. Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1987,

⁵ Мальшева Д.Б. Конфликты в третьем мире и Содружестве независимых Государств (религиозный и этнический аспекты). Дис. ...докт. полит. наук. - М., 1997; Томе Э. Ислам и национальный вопрос (национальный и религиозный факторы на Арабском Востоке на современном этапе). Дис. ...канд. филос. наук. - М., 1993; Хишам М. Теоретические основы и практическая деятельность исламских фундаменталистов в Египте. Дис. ...канд. ист. наук. - М., 1996.

данной теме. В конце 80 - начале 90-х гг. XX в. исламский радикализм прямо или косвенно чаще ассоциировался с одним из идейных течений в исламе - фундаментализмом (А.И.Ионова, А.В.Малашенко, Л.Р.Полонская, М.Т.Степанянц и др.)⁶. А.В.Малашенко, в частности, рассматривал фундаментализм как мысль, теорию, в то время как исламизм (исламский радикализм), по его мнению, является практическим воплощением фундаментализма, то есть **действием**⁷. Аналогичные подходы превалировали и в отношении разновидности исламизма - «северокавказского ваххабизма»⁸. В работах некоторых авторов исламский радикализм идентифицировался даже с экстремизмом и терроризмом, против чего выступают некоторые зарубежные и отечественные исследователи, среди них: Д.Волл, Э.Сиван, М.Эткин, Д.Эспозито, З.С. Арухов, Р.Г.Гаджиев, Д.В. Макаров и др. В середине 90-х гг. начался отход от отождествления исламского радикализма с фундаментализмом, он все чаще стал рассматриваться как самостоятельное социальное **явление**⁹. Тем не менее некоторые авторитетные исследователи продолжают рассматривать исламизм как разновидность **фундаментализма**¹⁰. Более того, отдельные авторы вводят собственную трактовку ряда находящихся в научном обороте понятий: «исла-

⁶ См., например: Ионова А.И. Концепция личности в современном исламе // Вестник РАН. - 1993. - №1. - С. 18-26.; Малашенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // Независимая газета. «НГ-Религии». - 1997. - 25 дек.; Полонская Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? // Азия и Африка сегодня. - 1994. - № 11; Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX вв. - М., 1982.

⁷ Малашенко А.В. Там же.

⁸ См. об этом: Акаев В.Х. "Северокавказский ваххабизм" - разновидность исламского радикализма // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. - Владикавказ, 2000. - № 2(6). - С. 134-147.

⁹ Сагадеев А.В. «Исламский фундаментализм»: жизненный факт или пропагандистская фикция? // Россия и мусульманский мир. - 1993. - № 10. - С. 55-62; Сиван Э. Указ. соч.

¹⁰ См., например: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право (шариат и фикх) // Ислам и мусульмане в России. Сборник статей / Под общ. ред М.Ф.Муртазина, А.А.Нуруллаева. - М., 1999. - С. 79.; Умнов А.Ю. "Талибан" в исламском контексте // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт; Моек. Центр Карнеги. - М., 2001. - С.252.

МИЗМ» - «политический» ислам, использование ислама в политических целях; «исламский радикализм» - негативное отношение к отклонениям от норм **ислама** в общественной жизни; «исламский экстремизм» - воинствующее неприятие таких отклонений, в том числе с использованием методов морально-психологического давления на оппонентов и собственно «исламский терроризм» - преступная деятельность, направленная, в том числе, против основ **конституционного строя**¹¹.

В целом, во второй половине 90-х гг. «исламский радикализм» стал трактоваться как «предельно политизированная часть ислама», «политизированный ислам», «политический ислам» (А.А.Игнатенко, С.А.Мельков, В.И.Сажин и др.)¹².

В настоящее время исламизм (исламский радикализм) нередко определяется как крайняя часть «политического **ислама**». При этом исследователями подчеркивается, что радикализация ислама происходит в ходе его политизации в условиях активной **реисламизации** мусульманской **уммы** (В.И.Максименко, Л.Йонсон, О.Руа и др.)¹³. Тем не менее, вопрос о содержании понятия «исламский радикализм» до сих пор остается открытым.

Особый интерес в осмыслении исламизма (исламского радикализма) представляют труды А.А.Игнатенко, одного из авторитетных исследователей исламского **радикализма**¹⁴. Его работы, концептуальные по своему

¹¹ Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт; Моск. Центр Карнеги. - М., 2001. - С. 305-306.

¹² Игнатенко А.А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре «Исламизм: глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова. - М., 2000; Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001; Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. - М., 1998. - С. 207-209.

¹³ Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. - М., 1999. - С. 9; Йонсон Л. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. - 1999. - № 4(5). - С. 56; Roy O. L'echec de l'Islam politique. - P., 1992. - P. 17-18.

¹⁴ Игнатенко А.А. Средневековые поучения владыкам и проблематика власти // Социально-политические представления в исламе. История и современность. - М., 1987; Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятель-

содержанию, позволяют выявить ключевые факторы, оказывающие влияние на формирование радикальной исламской **идеологии**, ее распространение во многих мусульманских странах и регионах. Выдвинутые А.А.Игнатенко гипотезы об **эндогенности** радикализма в исламе; формировании в мире «зоны возрастающей многоуровневой напряженности от Филиппин до Косово, связанной с деятельностью радикалов-исламистов»; о прямой зависимости радикализации ислама в России, в северокавказском регионе, в частности, от **экспорта** исламизма **из-за** рубежа имеют своих сторонников и оппонентов. Среди первых можно назвать ученых, акцентирующих внимание на внешних **процессах**, усиливающих «исламский радикализм» (В.Х.Акаев, З.С.Арухов, Р.Г.Гаджиев, Е.В.Кратов, К.М.Ханбабаев и др.) Ко второй группе относятся религиозные деятели, отрицающие эндогенный радикализм в исламе, а также некоторые исследователи, занимающиеся изучением внутренних факторов ее радикализации (В.О.Бобровников, К.И.Поляков, А.А.Ярлыкапов и др.).

Наибольшую остроту, помимо эндогенности радикализма в исламе, приобрели вопросы, связанные со степенью влияния внешнего фактора на процессы распространения идеологии и практики радикального ислама в России и других странах СНГ. Исследователи (З.С.Арухов, А.А.Игнатенко, Р.Г.Ланда, А.В.Малашенко, С.А.Мельков, В.В.Наумкин, Л.Р.Сюкияйнен, А.Ю.Умнов и др.) высказывают разные точки зрения по этому вопросу. Одни из них рассматривают радикализацию ислама как следствие «цивилизационного противостояния», другие - делают **акцент** на социально-экономических интересах, которые обуславливают активизацию исламских движений, третьи - говорят о глобальных или региональных интересах «центров силы» в международных делах.

Кроме того, по мнению целого ряда ученых (Н.Г.Киреев, Р.Г.Ланда, З.И.Левин, Л.И.Фадеева и др.), **исламизация** в разных странах и регионах

ность. - М., 1988; Фантом, созданный ЦРУ. Усама бен Ладен - террорист, компрометирующий ислам // Независимая газета. - 1999. - 9 **сент.**; Зеленый Интернетционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы // НГ-Религии. - 1999. - 7 **апр.**; Эндогенный радикализм в исламе. Доклад на семинаре в Московском Центре Карнеги. - М., 2000; Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. - 2001. - № 1(13); Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре «Исламизм: глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова. - М., 2000.

мира протекает с разной степенью интенсивности, что в существенной степени обусловлено влиянием национального и религиозного **факторов**, в частности идеологии национализма и религиозного фундаментализма. Например, Р.Г.Ланда еще в середине 90-х гг. сделал прогноз о том, что «...**одной** из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и **регионализм**»¹⁵. Действительно, существует проблема **диалектического** единства (не тождества, а именно единства, насыщенного борьбой внутренних противоречий) между этническим и религиозным сознанием, как индивидуума, так и определенной этнической общности, сохраняющая свою теоретическую и практическую актуальность в контексте **этнополитических** процессов в современном мире. Отсюда следует вывод, что религиозный фактор надо рассматривать в тесной увязке с национальным, этническим.

Таким образом, анализ научной разработанности темы позволяет сделать вывод о том, что исламской радикализм как идеология и политическая практика ранее не являлся предметом научного исследования и философского осмысления. В современной исследовательской практике затрагивались лишь отдельные вопросы этой темы. При этом целый ряд из них носит дискуссионный характер: трактовка базовых понятий (исламский радикализм, исламизм, фундаментализм и др.); социальная сущность исламского радикализма; соотношение эндогенных и экзогенных факторов в исламском радикализме; уровень угроз и вызовов, обусловленных консолидацией РИД в мире. Отдельные вопросы вообще не являлись предметом исследования, в частности: наличие радикальной составляющей в исламе, во всех его направлениях, течениях и толках; разновидности исламского радикализма; способы политической мобилизации в радикальном исламе; роль и место исламского радикализма в современной геополитике Кавказа и т.д. Наличие дискуссионных и неисследованных вопросов придает теме проблемный характер и позволяет поставить вопрос о том, что собой представляет исламский радикализм как идеология и политическая практика в современном мире?

Цель научного исследования: определить сущность исламского радикализма, выявить его идеологические основания и раскрыть содержание политической практики.

¹⁵ Ланда Р.Г. *Ислам в истории России*. - М., 1995. - С. 267.

Задачи исследования:

- разработать методологический конструкт социально-философского исследования исламского радикализма;
- выявить **доктринальные** корни исламского радикализма;
- определить идеологические основы исламского радикализма;
- показать место исламского радикализма в системе современных геополитических отношений;
- изучить исламский радикализм как фактор современных этно-политических процессов на Северном Кавказе;
- рассмотреть конкретные проявления крайних форм исламского радикализма на Северном Кавказе, разработать основные формы и методы противодействия им.

Объект исследования: исламский радикализм.

Предмет исследования: исламский радикализм как идеология и политическая практика в современном мире.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили принципы той социально-философской парадигмы, которая ориентирует исследователя на создание концепций **метатеоретического** содержания. Кроме того, в качестве методологических оснований использовались имеющиеся теоретические разработки в области глобальной и региональной геополитики (З.Бжезинский, А.Г.Дугин), концепции цивилизационных конфликтов (С.Хантингтон) и религиозного синкретизма (Н.С.Капустин).

В последнее время все более осознается необходимость целостного рассмотрения исламского радикализма. В работе реализуется подход, ориентирующий исследователя **на** изучение исламского радикализма как многомерного (идеология и политическая практика), неоднородного в идеологическом отношении социального явления, включающего в себя умеренное, экстремистское и смешанное **течения**¹⁶. Такой подход был предложен также и в работах А.А.Игнатенко, который, отождествляя понятия «исланизм» и «исламский радикализм», рассматривает их как **идео-**

¹⁶ Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. - Ростов н/Д, 2000. - С. 24; Он же. Исламский радикализм: социально-философский анализ. - Ростов н/Д, 2002. - С. 40-41.

логию и основанную на ней политическую **деятельность**¹⁷. В исследовании использовались также контент-анализ, методы сравнительного и структурно-функционального анализа.

Источниковая база диссертационного исследования представлена трудами классиков философии и религиоведения (Л.Бернард, К.Э.Босворт, М.Вебер, И.Вельхаузен, Ю.Велльгаузен, **Г.В.Ф.Гегель, И.Гольдциер, Г.Э.Грюнебаум, К.Казн, Э.У.Лэйн, А.Лямменс, А.Массэ, К.Маркс, А.Мец, А.Мюллер, М.Мюллер, Ф.Роузентал, У.Р.Смит, К.Тиле, Д.С.Тримингэм, М.Уатт, С.Хюргронье, П.Шантепи де ла Соссе** и др.), научными изданиями, вышедшими из-под пера востоковедов, исламоведов, **конфликтологов, террологов (В.В.Бартольд, Е.А.Беляев, А.Е.Бертельс, О.Г.Большаков, А.В.Васильев, Л.С.Васильев, В.А.Жуковский, Л.К.Климович, И.Ю.Крачковский, Е.Крымский, Н.А.Медников, Л.В.Негря, И.П.Петрушевский, В.Р.Розен, Г.С.Саблуков, В.Славьев, Н.А.Смирнов, Н. Торнау, Е.А.Фролова, А.Э.Шмидт** и др), в том числе представителей северокавказского региона (**М.А.Абдуллаев, А.В.Авксентьев, М.В.Вагабов, Ю.Г.Волков, В.Е.Давидович, А.К.Дегтярев, Г.С.Денисова, Ю.А.Жданов, С.А.Кислицын, В.Н.Коновалов, А.В.Лубский, Ю.Е.Милованов, М.Б.Мужухоев, М.Н.Османов, В.Н.Рябцев, С.И.Самыгин, Р.А.Ханаху, Л.Л.Хоперская, В.В.Черноус, В.Н.Шевелев, А.Р.Шихсаидов** и др.).

Ценнейшим материалом в деле исследования радикального ислама, различных элементов его идеологических доктрин явились труды **Ибн Ханбала, Ибн Таймийи, аль-Кайима**, других средневековых **салафитских авторов**, идеи которых развили современные теоретики исламизма (Бен Баз, Ибн Джамил Зину, Юсеф аль-Кардави, **Д.М.Камил, аль-Маудуди, М.А.Башамил, С.Кутб, С.Ф.Фаузан, М. аш-Шакк** и др.). Изучены и учтены в материалах настоящего исследования и произведения некоторых северокавказских идеологов и приверженцев исламизма (**А.Ахтаев, М.Кебедов, Х.Нухаев, М.Тагаев, М.Удугов, Н.Хачилаев, З.Яндарбиев** и др.).

Источниковая база исследования представлена также официальными документами органов государственного управления Российской Федерации и документами органов власти и управления северокавказских **субъ-**

¹⁷ Игнатенко А.А. Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. - 2001. - № 1(13); Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на **семинаре** «Исламизм: глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова. - М., 2000. - С. 4.

ектов Российской Федерации; материалами официальных структур традиционного ислама; документальными материалами и листовками исламистских организаций и движений; статьями, интервью и текстами выступлений исламских и исламистских деятелей; многочисленными информационно-аналитическими материалами, в том числе содержащимися в Интернете. Были также использованы личный опыт, наблюдения автора в период его пребывания в течение ряда лет в Афганистане, практической деятельности по проблеме на Северном Кавказе.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Проведено социально-философское исследование исламского радикализма как целостного социального явления. При этом **выявлена** его социальная сущность, особенности идеологии и политической практики.

2. Предложен методологический подход к изучению исламского радикализма как многомерного явления, включающего в себя различные течения: умеренного, экстремистского и смешанного толков.

3. Выявлены **доктринальные** основы исламского радикализма и его различных течений.

4. Предложен синкретический взгляд на идеологию исламского радикализма, позволивший выявить некоторые общие базовые принципы исламского радикализма и их модификацию идеологами различных течений.

5. Определено место исламского **радикализма** в системе современных геополитических отношений, выявлена роль в них экстремистских неправительственных религиозно-политических организаций.

6. Установлено воздействие различных течений исламского радикализма на современные **этнополитические** процессы на Северном Кавказе в контексте тех процессов, которые проходят на Ближнем и Среднем Востоке.

7. Установлены причины и условия распространения крайних форм исламизма в мире и в специфических условиях Северного Кавказа; предложен комплекс мер по блокированию исламского радикализма, в том числе его крайних форм.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной социально-философской и специальной научной литературе существуют различные интерпретации понятия «исламский радикализм», что предполагает необходимость дать «рабочее» определение этого понятия в качестве методологического конструкта **диссертационно-**

го исследования. **Исламский радикализм** - это идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния миру «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников.

2. Исламский радикализм представляет собой превращенную форму ислама как религии. Вместе с тем, исламский радикализм не следует отождествлять с собственно исламом или исключительно с каким-либо из его направлений (суннизм, шиизм), течений (традиционализм, фундаментализм, модернизм) или толками.

3. В современной литературе в исламском радикализме выделяются два таких течения, как «умеренно-радикальное» и «ультрарадикальное» (экстремистское). Однако далеко не все радикальные исламские организации можно однозначно отнести к тому или иному крылу, в этой связи нами выделяется третье течение - «смешанного» типа.

4. **Доктринальные** корни исламского радикализма определяются молодостью ислама; его тотальностью; неразрывностью связи с политикой; идеей «завершения пророчества»; аутентичностью ислама личности мусульманина; **идеализацией** и мифологизацией **государственно-политической системы, существовавшей** в период правления пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов (**Абу-Бакр**, Омар, Осман, Али), стремлением к ее возрождению; фатализмом, фанатизмом, мусульманским энтузиазмом и воинствующим характером, стремлением к мировому господству; нетерпимостью к «чужим», нацеленностью на борьбу с «врагами ислама».

5. Основополагающее влияние на идеологию исламского **радикализма** оказали такие доктринальные положения ислама, как **такфир** (обвинение в неверии) и джихад (**священная** война за веру). Однако в отличие от исламской ортодоксии, радикалы, значительно расширяя круг участников такфира, в число которых, по их мнению, входят в том числе «люди Писания» (иудеи и христиане) и «худшие из мусульман» (то есть, те, кто не разделяет идеологических ценностей радикалов), решительно требуют ведения против них джихада в «форме меча». В своей совокупности эти базовые постулаты, формирующие у адептов радикализма соответствующие устойчивые политико-мировоззренческие позиции, отливаются в

идеологические конструкты, тождественные по своему содержанию независимо от конкретно-исторических условий. Построенные на их основе **идеологемы** служат основой в обосновании практической деятельности членов исламистских организаций на международной арене. В этом смысле движение самых первых радикалов в исламе - **хариджитов** - типологически ничем не отличается от современного радикального исламского движения.

6. Одной из важнейших идеологических функций исламизма является обеспечение социально-политической мобилизации своих сторонников на решение тех задач и достижение тех целей, которые ставит перед собой исламский радикализм как идеология. При этом способы мобилизации обусловлены тремя группами факторов: **доктринальной** спецификой ислама, практикующимися в нем формами **коллективизма** и нормами общезжития, политико-правовым опытом радикализма.

7. В политической практике идеологическими обоснованиями социально-политических действий исламских радикалов выступают самые разнообразные доктрины. Хотя основу духовной базы исламизма составляют системообразующие элементы фундаментализма (ваххабизм представляет собой частный случай суннитского фундаментализма - **салафизма**, или **салафийи**), на практике идеологические доктрины чаще приобретают смешанные формы (синтетические, синкретические, эклектические). Особенно активно взаимодействуют религиозный и национальный (националистический) факторы. Причем реальный баланс между национальным и религиозным факторами почти всегда складывается в пользу первого.

8. Радикальный ваххабизм (неоваххабизм) и пантюркизм представляют собой разновидности исламского радикализма. Как идеологии они формируют коллективное сознание в заданном направлении, мобилизуют общественную волю своих сторонников на решение выдвигаемых политикой религиозных или национально-религиозных требований. Как политика исламский радикализм (радикальный ваххабизм и пантюркизм, в частности) практически стремится решить задачи по конструированию и политическому самоутверждению различных по масштабу социальных групп (исламской **уммы** того или иного уровня интеграции - всего мира, либо его части в рамках **того** или иного народа, либо народов), либо защитить так называемые национальные и конфессиональные интересы.

9. Ввиду своей политической, этнической и религиозной разобщенности Кавказ исторически был преимущественно объектом, а не субъектом геополитики. В ходе перманентных геополитических переструктурирований региона всегда активно был задействован исламский **фактор**, в том числе и в его радикальном виде. В настоящее время на Кавказе наблюдается процесс разработки и реализации целого ряда геополитических **мегапроектов** по конструированию здесь так называемых «больших пространств». Среди них наибольшую угрозу национальным интересам России представляют американский (США), **туранский** (Турция) и **арабо-исламистский** (Саудовская Аравия и др.) проекты, существенная роль в реализации которых отводится исламскому радикализму в форме неоваххабизма (Саудовская Аравия) и **пантюркизма** (Турция). При этом наиболее специфическим и грозным средством для достижения «исламским миром» своих геополитических интересов, в том числе и на Кавказе, выступают радикальные неправительственные религиозно-политические организации (**НРПО**). Особую опасность представляют экстремистские **НРПО**.

10. Исторически ислам на Северном Кавказе носит синкретический характер, поскольку органично **наложился** на доисламские верования, этнические особенности, восходящие к **адаптной** культуре. **Исламизация**, политизация и, соответственно, радикализация ислама в регионе всегда значительно усиливалась в периоды кризисов этнической, конфессиональной, политической, социальной **идентичностей** местных народов. Однако исламский радикализм здесь никогда не являлся ключевым фактором, определяющим в регионе ход **этнополитических** процессов, он только усиливал действие основополагающих (социально-экономических, политических) факторов.

11. Современное исламское движение **на** Северном Кавказе неоднородно, представлено целым рядом общественно-политических субъектов. Главным и наиболее опасным противником, антагонистом и одновременно оппонентом традиционализма в регионе выступает неоваххабизм, который постепенно в силу ряда обстоятельств приобрел исключительно экстремистский характер. В этой связи сегодня на Северном Кавказе разворачивается, по сути, открытое сражение за право влиять на формирование постсоветской идентичности. В ходе этого противоборства определится судьба северокавказских этносов, будут ли они осознавать себя «российскими мусульманами» или ощущение полноценной включенности

в исламскую цивилизацию потребует от них переоценки собственной идентичности.

12. Исторически на Северном Кавказе уже фиксировались определенные формы этнорелигиозного экстремизма и терроризма: наездничество (набеговая система): похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество; вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (после завершения Кавказской войны); политический бандитизм (20 - 30-е гг. XX в.); этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований.

13. Действующие на Северном Кавказе НРПО («ваххабитские джамааты») не являются самостоятельными в своей идеологической направленности и политической практике организациями, поскольку в идеологическом, финансовом, организационном и других отношениях в весомой степени зависят от зарубежных экстремистских НРПО, центров, фондов и других структур многих стран Ближнего и Среднего Востока. В результате на практике военно-политическая активность северокавказских «ваххабитов» лишена созидательного содержания и не выходит за рамки тех целей, которые преследуются здесь внешними, далеко не всегда исламскими, силами.

14. Особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, заключается в сращивании на основе идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого аналогичными международными структурами. Разрешение проблем политико-институционального строительства в северокавказском регионе, связанных с экспансией идеологии исламского экстремизма и террористической практикой «северокавказских ваххабитов» и их зарубежных пособников, требует доработки и развития политико-правовых принципов федерализма, а также концепции защиты национальных геополитических интересов России, в том числе в области противодействия исламскому радикализму. Противодействие исламу заключается в использовании различных стратегий разрешения конфликтов, прежде всего, в локализации и устранении ключевых факторов, провоцирующих сепаратистские тенденции, а также в реализации системы мер по снижению уровня агрессивности собственно исламского радикализма, переводу его на умеренные позиции.

Научно-практическая значимость работы. Научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что комп-

лексно определена сущность исламского радикализма, выявлены его идеологические основания и раскрыто содержание политической практики во многих регионах мира, в том числе и в специфических условиях Северного Кавказа.

В работе содержится не только теоретический анализ предмета исследования, но и некоторые разработки, которые могут представить интерес для практических работников, осуществляющих **непосредственную** деятельность в условиях республик Северного Кавказа. Результаты диссертации могут быть использованы в лекционных курсах, при разработке учебных программ по **исламоведению**, регионоведению, этнополитике и т.д.

Апробация работы. Диссертация **обсуждена** на кафедре социологии, политологии и права **ИПК РГУ**. Основные **положения**, полученные в ходе исследования, изложены в 47 научных публикациях, пяти монографиях, докладах и выступлениях на 16-ти научных конференциях (четырёх международных, шести всероссийских), общий объём которых достигает 90 печатных листов, при этом 93% объёма вышеуказанных научных работ выполнен единолично. В 2002 г. по просьбе аппарата Президента РФ диссертантом подготовлена экспертная записка по проблеме локализации **этноконфессионального** экстремизма в северокавказском регионе.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, каждая из которых разделена на два **параграфа**, заключения и списка использованных источников и литературы.

2. Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, ее научная и практическая значимость, указывается объект и предмет исследования, определяются его цели, задачи, научная новизна, формулируется методологическая база, содержится обзор источников и научной литературы по исследуемой проблеме, устанавливается личный научный и практический вклад автора в ее разработку.

Первая глава «Исламский радикализм: методология социально-философского исследования» посвящена рассмотрению понятийного аппарата исследования, а также типологии современного радикального исламского движения.

В первом параграфе «Понятие «исламский радикализм»: сущность, критериальное определение границ этого явления в рамках ислама» ставится задача определиться с понятийным аппаратом исследования, поскольку термины «традиционализм», «фундаментализм», «модернизм», а также «радикализм», «экстремизм», «терроризм» (тем более с приставкой «исламский») в зарубежной и отечественной специальной литературе четко не «разведены», трактуются неоднозначно, а порой даже произвольно.

Исламский радикализм (ислаимизм) в исследовании, как и его крайние проявления (экстремизм и терроризм), рассматривается как сложное философское и социально-политическое явление, имеющее глубокие исторические, культурные и религиозно-догматические корни. Как самостоятельный феномен, он не совпадает в своих границах с собственно исламом или исключительно с каким-либо из его направлений (суннизм, шиизм), течений (традиционализм, фундаментализм, модернизм) или толками. Исламский радикализм представляет собой лишь определенный сегмент более широкой тенденции, связанной с реисламизацией общества и политизацией мусульманской религиозной системы, то есть крайнюю, политизированную часть ислама, всех его направлений, течений и толков.

Если стержневой религиозно-философской категорией ислама, особенно его фундаменталистского и традиционного течений, выступает осознанное абсолютное единобожие, постулирующее предопределенность поступков человека Богом и, соответственно, ничтожность его бытия вне связей с общиной, то в радикальном исламе эти принципы гиперболизируются. Главной мировоззренческой ценностью в восприятии мусульманина-радикала выступает замкнутая община единоверцев, обособленная от других групп, уверенная в том, что именно она является богоизбранной «общностью спасенных», члены которой обретут счастье в раю, в то время как другие попадут в ад. Именно в таких группировках зачастую акцент делается не столько на морально-этической и духовной стороне вопроса, сколько на его сугубо политико-организационном аспекте.

Исламский радикализм понимается как идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика (определенный способ, метод и средство воздействия на политику), осуществляемая как в пределах законных для той или иной страны методов, так и выходящих за ее рамки.

Однако если идеология и политическая практика радикализма амбивалентны, не имеют однозначно негативного или позитивного смысла, то «экстремизм» и «терроризм», выступая как крайние течения и проявления

«радикализма», всегда имеют негативный оттенок. Их политическая практика, как правило, осуществляется закрыто, в законспирированных формах (особенно в терроризме). Отсюда следует, что сводить понятие «исламский радикализм» к более узким явлениям - «экстремизму» и «терроризму» - нельзя. На практике это приводит к сужению возможностей политического маневра при противостоянии радикализму, а предпочтение отдается исключительно силовой компоненте.

В заключение предлагается следующая **дефиниция «исламского радикализма»** - *это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» как по отношению к «миру неверных» вовне, так и «неистинно верующим» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников.*

Во втором параграфе «Классификационные основания исламского радикализма» представлен компаративистский анализ исламизма и собственно **ислама**. В аналитических целях теоретически выделяются два уровня **исламизма** - умеренный и ультрарадикальный. Именно второй уровень и проявляется в форме экстремизма и терроризма. На этой основе в современном радикальном исламском движении (РИД), базирующемся на идеологии и практике исламского радикализма, типологически **выделяются** два основных течения (крыла): «умеренно-радикальное» и «ультра-радикальное» (экстремистское). Существует и промежуточное течение, относящиеся к нему исламистские структуры являются организациями «смешанного» типа.

Тем не менее, несмотря на такую классификацию, следует подчеркнуть, что все радикальные исламские группировки объединяет общая цель по созданию на территории своих стран (либо отдельных их частей) «*исламских государств*», что предполагает радикальные преобразования по исламизации всех социально-экономических и политических институтов государства. Речь идет об образовании законодательных органов в соответствии с законами шариата, формировании всех ветвей исполнительной власти по исламской модели общества и построении так называемой «исламской экономики», базирующейся на трех основных положениях: система наследования определяется только *шариатом*, должно действовать особого рода налогообложение - «*закят*», категорически запрещается

ростовщический процент - «*риба*». Рассмотрен опыт реализации вышеуказанных требований на примере Исламской Республики Иран и Судана.

«Исламское государство», согласно взглядам идеологов исламского радикализма может быть построено как мирным, так и вооруженным путем. Если первого пути придерживаются «умеренные» исламисты (их наиболее известные идеологи - Абу Аля ал-Маудуди, Насир ад-Дин ал-Албани, Мухаммад Са'ид Рамадан ал-Бути и др.), то второй в качестве главного выбрали «экстремисты» (Саййид Кутб, Мустафа Шукри, 'Али 'Абду Исмаил и др.).

Для сторонников умеренно-радикального крыла РИД характерными представляются следующие признаки: отказ (как минимум, декларативно) от насилия как способа достижения политических целей; признание легитимности светских режимов, готовность к компромиссу с ними; использование пропаганды в качестве основного метода деятельности по осуществлению «исламского призыва»; эксплуатация имеющихся демократических институтов и процедур для укрепления своего положения в обществе, степени влияния на население; стремление добиться как можно больше возможностей для распространения своих идей; ведение пропаганды в завуалированной форме при внешней демонстрации лояльности к властям и принципам государственного устройства; наличие нелегальных структур (особенно для группировок, действующих полулегально или даже нелегально), в том числе, для проникновения в государственный аппарат и авторитетные неправительственные структуры; координация деятельности с аналогичными **структурами** в своей стране и за рубежом.

Для приверженцев экстремистского крыла органично присущими представляются следующие основные характеристики: использование вооруженной борьбы, в том числе проведение террористических акций, как основного метода действий; непризнание легитимности правящих светских режимов, бескомпромиссная **борьба** с ними; использование легальной пропаганды исключительно в качестве вспомогательного средства для привлечения в свои ряды новых членов; аморфность организационных структур, децентрализация руководства в целях повышения живучести группировок; интернационализация экстремистского исламского движения и координация деятельности входящих в него организаций; сращивание экстремистского исламского движения с международной организованной преступностью и наркобизнесом.

В заключение делается вывод о том, что «умеренное» и «экстремистское» крылья в современном РИД являются фактически двумя сторонами одной медали. Принципиальное отличие между ними **на** практике заключается лишь в тактике действий, которая может меняться в зависимости от складывающейся обстановки: вооруженная борьба против властей, либо отказ от нее и использование пропаганды в качестве основного метода.

Вторая глава «Историко-социокультурные характеристики исламского радикализма» посвящена рассмотрению социальных, гносеологических, исторических и психологических корней исламского радикализма, на основании чего выстраивается его идеально-типическая модель.

В первом параграфе «*Доктринальные корни исламского радикализма*», подчеркивается, что **доктринальные** корни исламского радикализма кроются в буквалистской интерпретации определенной частью исламских теоретиков (от **Ибн-Ханбала** и **Ибн-Таймийи**, вплоть до **ал-Маудуди**, **С.Кутба** и др.) канонизированных догм, содержащихся в сакральных источниках мусульманства - Коране и сунне Пророка.

Независимо от принадлежности к определенному направлению, течению или мазхабу (**мусульманско-правовые** школы), выделяются базовые черты ислама, которые лежат в основе его радикальных интерпретаций: молодость ислама, его тотальность, неразрывность связи с политикой, идея «завершения пророчества», аутентичность ислама личности мусульманина, идеализация и мифологизация государственно-политической системы периода пророка Мухаммеда и «праведных» халифов; фатализм, фанатизм, мусульманский энтузиазм и воинственный характер, стремление к мировому господству; нетерпимость и нацеленность на борьбу с «врагами ислама» («неверные», «**отступники**» и «**лицемеры**»).

Однако главными, системообразующими признаками и одновременно качествами радикализма в исламе стали особым образом интерпретируемые такие общеисламские понятия, как **такфир** (обвинение в **куфре**, то есть в неверии) и **джихад** (священная война за веру). В отличие от приверженцев исламской ортодоксии («**Ахль ас-Сунна валь Джамаа**», то есть «Люди сунны и согласия общины»), радикалы, значительно расширяя круг участников **такфира**, в число которых, по их мнению, входят в том числе «люди Писания» («**Ахль ал-Китаб**», то есть иудеи и христиане) и «худшие из мусульман» (то есть, те, кто не разделяет идеологических

ценностей радикалов), решительно требуют ведения против них джихада «в форме меча».

Во втором параграфе «*Историческая эволюция радикализма*» рассматривается история основных расколов в исламе, включая и те течения, которые в прошлом и в настоящее время стали знаменем религиозно-политической мобилизации верующих на джихад против «неверных» в специфических условиях Северного Кавказа в XIX-XX вв. (суфизм, неоваххабизм, «исламский национализм»). Подчеркивается, как правило, политический характер таких движений. Указывается, что расколы в исламе стали причиной появления многочисленных направлений, течений, орденов, сект и различных толков, деятельность которых нередко носила радикальный характер.

Доказывается, что в своей совокупности определенные в первом параграфе настоящей главы исследования базовые постулаты основных доктринальных течений в исламе, формирующие у adeptов радикализма соответствующие устойчивые политико-мировоззренческие позиции, отливаются в идеологические конструкты, тождественные по **своему** содержанию, независимо от конкретно-исторических условий. Они провозглашают необходимость бескомпромиссного противостояния «миру неверных» вовне и «миру неистинной веры» внутри ислама. Построенные на их основании идеологемы, являющиеся базовыми в обосновании политической практики радикалов, допускают и даже предусматривают экстремистские методы борьбы со своими противниками, включая террористические акции и открытые вооруженные столкновения (**низариты-ассасины**, ранние ваххабиты, кавказские мюриды, члены многочисленных современных исламских экстремистских группировок). «Возрожденческие» тенденции в стремлении «очистить» ислам, возвратиться к его незамутненным истокам в мусульманстве носят перманентный характер, начиная с первого хариджитского раскола и завершая появлением в XX в. современного РИД. В этой связи все эти движения представляются типологически схожими. Наиболее радикальными в современном РИД выступают группировки, доктрины которых базируются на идеологических установках панисламизма и «исламского национализма», их частными проявлениями являются фиксируемые в северокавказском регионе неоваххабизм и пантюркизм.

Третья глава «Исламский радикализм как идеология и политическая практика» посвящена рассмотрению проблемы соотношения радикальной идеологии и практики в рамках двух конкурирующих между со-

бой объединительных тенденций процесса «исламского возрождения» на современном этапе - **панисламистской** и **пантюркистской**. Первая наиболее ярко представлена Саудовской Аравией, где в качестве идеологии активно **задействуется** ваххабизм панисламистской направленности, вторая - Турцией с ее «исламским национализмом» в форме тюркизма, пантюркизма и **пантурунизма**.

В первом параграфе «*Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма и терроризма*» рассматривается идеология и социально-политическая практика радикального ваххабизма, как вида исламизма. Подчеркивается, что в узком и точном смысле слова термин «ваххабизм» означает учение, сформулированное в XVIII в. аравийским религиозным реформатором Мухаммедом Ибн Абд аль-**Ваххабом** из **Неджда** (основные принципы мировоззренческих установок аль-Ваххаба заключаются в требовании признания абсолютного единобожия и слепого следования сакральным источникам; запрещения греховных нововведений и иджитхада, посредничества, посещения могил святых; обвинении в неверии и требовании ведения джихада **в** «форме меча» против особым образом интерпретируемых «врагов **ислама**»). В широком же смысле термин «ваххабизм» сегодня употребляется для обозначения всего **того**, что к этому учению имеет отношение. Подчеркивается, что идеология и социально-политическая практика - две составные части исламского радикализма, радикального ваххабизма в частности, - пребывают в сложном взаимодействии, постоянно меняясь местами, как причина и следствие, цель и средство. При этом соотношение идеологии и политики в рамках радикализма могут выступать в трех формах: идеология как средство политики, политика как средство идеологии и идеология как идейно-теоретическое обоснование и оправдание практической политики.

Одной из важнейших функций исламизма является обеспечение социально-политической мобилизации своих сторонников на решение тех задач и достижение тех целей, которые ставит перед собой исламский радикализм как идеология.

Подчеркивается, что в исламе существует богатая традиция использования религиозно-мировоззренческих конструктов в социально-политической практике, когда **доктринальные** предписания встраиваются в контекст целей и задач текущей политики, то есть фактически используются в качестве **идеологем**. Факторы, благодаря которым такое становится возможным, разделены на несколько видов: первый представлен собственно

доктринальной спецификой ислама, второй связан с практикующимися в нем формами коллективизма и нормами общежития, третий вид факторов относится исключительно к политико-правовому опыту радикализма.

Из этих трех групп факторов складывается механизм социальной и политической мобилизации адептов в исламском радикализме. Спецификой **такой** мобилизации служит своеобразное растворение индивидуального начала в общине единоверцев, общине как реально существующей форме коллективизма, так и в общине как духовной, политико-идеологической ассоциации. При этом именно в радикализме достигает своего пика своеобразный «феномен представительства», когда сама община персонифицируется в ее авторитетах, они представляют ее и в сакральном, и в политико-практическом плане.

Делается акцент на том, что религиозная среда в так называемых «ваххабитских» государствах (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ и др.) сегодня дифференцирована и далеко не все приверженцы ваххабизма являются радикалами. Угрозы и вызовы современному миропорядку формируют сегодня не все ваххабиты, а их экстремистски настроенные единомышленники. Именно они, взяв на вооружение в качестве базовой ваххабитскую **доктрину**, разработанную в свое время **аль-Ваххабом** и его сподвижниками, дополнили ее содержание новыми экстремистскими идеями, заложенными, в частности в человеконенавистнической и антинаучной концепции «Симпатии и **антипатии**». Иначе говоря, за два с лишним века своего существования неоваххабитская доктрина зримо эволюционировала в сторону усиления радикализма, а практика радикальных неоваххабитов стала носить исключительно террористический характер. Широкое распространение в массовом сознании радикальных идеологических доктрин обуславливается их целостностью и непротиворечивостью, а также относительной когнитивной простотой. Когнитивно простая картина мира предстает двухцветной, легкой для восприятия. Социальные группы, объединенные такими идеологиями, отличаются высокой сплоченностью и массовым характером, прекрасной управляемостью. В частности, современные неоваххабитские общины мусульман-радикалов являют собой **характерный** пример вышеобозначенного **типа** организаций. В них насаждается строжайшая дисциплина, культивируется ярко выраженное единоначалие. Такие принципы организационного **строительства** находят свое отражение в «**ихванизации**» радикального исламского движения. «**Ихванизация**» нередко превращает общины радикалов в военизиро-

ванные религиозно-политические группировки (иногда вырождающиеся в тоталитарные секты) - так называемые «**джамааты**» во главе с единоначальниками - «**амирами**».

Во втором параграфе «*Исламский радикализм: национальное против конфессионального*» **подчеркивается**, что идеологическими обоснованиями социально-политических действий исламских радикалов выступают самые разнообразные доктрины. Хотя основу духовной базы исламизма составляют, прежде всего, системообразующие элементы фундаментализма (ваххабизм, как было отмечено выше, представляет собой частный случай суннитского фундаментализма - **салафизма**, или салафийи), на практике идеологические доктрины чаще приобретают смешанные формы (синтетические, синкретические, эклектические). Особенно активно взаимодействуют религиозный и **национальный/националистический** факторы. На примере Турции с ее развитой идеологией пантюркизма, понимаемым как определенный синтез национализма и религии, показано, что в реальной жизни баланс между национальным и **религиозным** факторами почти всегда складывается в пользу первого.

Религиозное и национальное в мусульманстве, в том числе **на** радикальном уровне (исламизм, национализм), пребывают в состоянии сложного взаимодействия. Они могут действовать независимо, либо содействовать, либо противодействовать друг другу. Возможность их результативного взаимодействия обусловлена функциональным сходством. В гносеологическом отношении национализм и религия основаны на абсолютизации собственно нации (государства-нации) и вероисповедной общины, которые воспринимаются как социально недифференцированные структуры.

Национализм представляет собой идеологическую доктрину (идеологию) и основанную на ней социально-политическую практику (политику). При этом место идеологии в национализме может занимать и религия, в том числе и ислам, радикальный в частности. Разновидностью этого явления, получившего термин «исламский национализм», и является пантюркизм. Использование националистами мусульманской риторики, атрибутики, механизмов социальной и политической мобилизации своих сторонников, выработанных в радикальном исламе, объясняет живучесть и одновременно опасность исламистских идеологических доктрин.

Как и радикальный ваххабизм (неоваххабизм), пантюркизм, понимаемый в качестве продукта своеобразной **туркизации** ислама, представляет

собой разновидность исламского радикализма. Как идеологии они (неоваххабизм и пантюркизм) формируют коллективное сознание в заданном направлении, мобилизуют общественную волю своих сторонников на решение выдвигаемых политикой религиозных или национально-религиозных требований, утверждают в обществе националистические и фундаменталистские ценностные установки, возбуждают общественные эмоции против мнимых и реальных препятствий и врагов. Если всякая идеология непременно требует наличия противника (если его нет, он создается искусственно), то исламизм в любых его идеологических формах без такового просто не может существовать: такой противник (наряду с национальными и религиозными чувствами) составляет его питательную почву.

Как политика исламский радикализм (радикальный ваххабизм и пантюркизм, в частности) практически стремится решить задачи по конструированию и политическому самоутверждению различных по масштабу социальных групп (исламской **уммы того** или иного уровня интеграции - всего мира, либо его части в рамках того или иного народа, либо народов), либо защитить так называемые национальные и конфессиональные интересы. Для этого исламизм располагает всем арсеналом средств, имеющихся в распоряжении всякой политики, а также такими специфическими как игра на национально-патриотических и религиозных чувствах народа (**народов**), разжигание конфликтов на этой почве, использование в этих же целях фактора «исламской солидарности» и т.д.

Четвертая глава «Исламский радикализм в системе геополитических отношений» посвящена вопросу задействования «исламского фактора» геополитическими противниками России на Кавказе, а также роли неправительственных религиозно-политических организаций в глобальной и региональной геополитике.

В первом параграфе *«Роль и место этноконфессионального фактора в геополитике (на примере Кавказа)»* подчеркивается, что ввиду своей политической, этнической и религиозной разобщенности Кавказ всегда был преимущественно объектом, а не субъектом геополитики. При этом в ходе очередного геополитического реструктурирования региона практически всегда активно задействовался исламский фактор. Сказанное стало особенно **актуальным** со времени включения России в региональный геополитический процесс.

В настоящее время на Кавказе наблюдается процесс разработки и реализации целого ряда геополитических мегапроектов по конструированию здесь так называемых «больших пространств». Среди них наибольшую угрозу национальным интересам России представляет американский (США), **туранский** (Турция) и **арабо-исламистский** (Саудовская Аравия) проекты.

Американский мегапроект на Кавказе успешно реализуется, прежде всего, путем манипулирования и управления Вашингтоном другими геополитическими игроками, прежде всего Турцией и Саудовской Аравией, которые, тем не менее, имеют собственные геополитические интересы в регионе. Саудовской Аравии в американской геополитике отведена своеобразная роль «агента влияния» США, который при помощи огромных финансовых средств и ваххабитской идеологии должен нивелировать влияние шиитского и антиамериканского Ирана в СНГ, развивать **дезинтеграционные** процессы на Кавказе, углубляя здесь антироссийские настроения и центробежные тенденции. Турция же, как главному региональному союзнику США по НАТО, отведена роль по переориентации тюркских республик СНГ с Севера (Россия) на Запад (США).

Туранский проект реализуется, прежде всего, путем использования Турцией идеологии и практики пантюркизма. Помимо этого **задействуются** также экономические, культурные и иные рычаги, призванные осуществить переориентацию некоторых республик СНГ и регионов России на Турцию. При этом северокавказские этносы **пантюркистами** рассматриваются в качестве культурного продукта **исламо-тюркско-кавказского** синтеза.

Арабо-исламистский (ваххабитский) геополитический мегапроект на Кавказе реализуется усилиями группы исламских стран во главе с нетрадиционным для региона игроком - Саудовской Аравией. Для реализации своих геополитических интересов ими используется неоваххабитская идеология, **наложившаяся** на идущий здесь процесс **реисламизации** и политизации ислама. Саудовской Аравией и их идеологическими партнерами осуществляются, в основном, мероприятия, связанные с активизацией так называемого «исламского призыва»: миссионерская и пропагандистская **деятельность**, финансирование строительства мечетей и религиозных учебных заведений, обучение молодежи в теологических центрах за **рубежом**, распространение исламистской **литературы**, организация **хаджа** и т.д.

Другие экономические и культурные возможности используются значительно слабее.

Во втором параграфе «*Радикальные исламские организации в геополитической конкуренции*» представлен процесс появления и эволюции неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО) в «исламском мире», а также механизмы и степень их усиливающегося воздействия на геополитику. Именно НРПО выступают наиболее специфическим средством для достижения «исламским миром» своих геополитических интересов. Причем особую опасность представляют экстремистские НРПО.

На основе эволюционного подхода осуществлена типология НРПО, выделены четыре этапа в их развитии. Первый связан с появлением в 1929 г. в Египте ассоциации «Братья-мусульмане» (БМ), созданием ее филиальных, а затем и отпочковавшихся от нее самостоятельных структур во многих государствах Ближнего и Среднего Востока.

Если первое поколение НРПО базировалось, в основном, на идеологических доктринах «чистого ислама», то второе и третье - на доктринах смешанного, фундаменталистско-националистического типа. Ко второй группе НРПО отнесены организации, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской экспансией на Ближнем Востоке. При этом на их идеологию и практику в значительной степени повлияли события, связанные с «исламской революцией» в Иране и последовавшим ее экспортом в другие мусульманские страны. Среди таких фундаменталистско-националистических НРПО рассматриваются палестинский «Джихад ислами» и ливанская «Хезболлах».

К третьему поколению НРПО относятся многочисленные афганские группировки, возникшие и набравшие силу, в основном, после прихода к власти в этой стране «марксистского» режима в апреле 1978 г., а также после ввода в Афганистан в декабре 1979 г. советских войск. Однако наиболее ярко проявило себя уже после вывода советских воинских частей религиозно-националистическое пуштунское движение «Талибан».

Последнее, четвертое поколение НРПО являет собой попытку реализации глобальных целей радикалов по консолидации всех экстремистских группировок для последующей неуклонной исламизации всего мира. Среди такого типа организаций рассмотрены «Аль-Каида» и «Мировой фронт джихада», основателем которых явился Усама бен-Ладен.

Что касается действующих на Северном Кавказе НРПО («ваххабитские джамааты»), то в исследовании подчеркивается их несамостоятельность в идеологической направленности и политической практике. Они в идеологическом, финансовом, организационном и других отношениях в весомой степени зависят от зарубежных экстремистских НРПО, центров, фондов и других структур многих стран Ближнего и Среднего Востока. В результате на практике военно-политическая активность «северокавказских ваххабитов» лишена созидательного содержания и не выходит за рамки тех целей, которые преследуются здесь внешними, далеко не всегда исламскими, силами.

Пятая глава «Исламский фактор в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе» посвящена вопросу **исламизации** региона, исторической роли «исламского фактора», современному состоянию здесь исламского движения, появлению и развитию в новейшее время нового фундаменталистского течения - неоваххабизма, возникшей дихотомии традиционализм - салафизм (неоваххабизм).

В первом параграфе *«Генезис и этапы эволюции ислама на Северном Кавказе»* подчеркивается, что исторически ислам на Северный Кавказ был привнесен извне и насаждался здесь в течение многих веков, главным образом, опираясь на мощь внешних сил. Процесс исламизации северокавказских этносов носил асинхронный характер, в результате чего степень укоренения ислама, его формы в различных субрегионах оказались различными: уровень исламизации северокавказских этносов неуклонно понижается с востока на запад. На северо-востоке (Дагестан, Чечня, Ингушетия) получил развитие суннитский ислам **шафиитского** толка в форме суфизма (**накшбандийский** и **кадирийский тарикаты**, а с XX в. - и **шазилийский тарикат**, последний только в Дагестане); на **северо-западе**, а также у кумыков и ногайцев - суннитский ислам **ханифитского** толка.

Традиционный ислам на Северном Кавказе носит синкретический характер, поскольку органично **наложился** на доисламские верования, этнические особенности, восходящие к **адатной** культуре. **Исламизация**, политизация и, соответственно, радикализация ислама в регионе всегда значительно усиливалась в периоды кризисов **этнической**, конфессиональной, политической, социальной **идентичностей** местных народов (движение шейха **Мансура** в конце XVIII в., Кавказская война 1818-1864 **гг.**, гражданская война и революция, Великая Отечественная **война**, «перестройка», развал СССР, «парад суверенитетов» в России, чеченские кампании и т.д.). Од-

нако в связи с действием целого ряда факторов и исторической обусловленности исламизация Северного Кавказа не завершена и поныне.

В период пребывания Северного Кавказа в составе России, вплоть до конца 80-х - начала 90-х гг. XX в., исламский радикализм произрастал на базе традиционного ислама, преимущественно суфизма (в годы Кавказской войны - на основе идеологической **доктрины** и организационных возможностей **накшбандийского** тариката, после этой войны, вплоть до первой половины 90-х гг. XX в., на основе **кадирийского** тариката). Только в последние годы, предшествовавшие развалу СССР, а также в постсоветский период, особенно в ходе военной кампании в Чечне в 1994-96 гг., в регионе появляется и постепенно укрепляет свои позиции фундаментальный ислам, получивший известность как «северокавказский ваххабизм» (неоваххабизм).

Во втором параграфе *«Традиционализм и салафизм (неоваххабизм) в регионе»* отмечается, что современное исламское движение на Северном Кавказе неоднородно, представлено целым рядом общественно-политических **субъектов**.

Главным действующим актором на исламском поле выступает традиционный ислам, представленный большинством традиционно верующих мусульман, **тарикатскими** структурами - так называемыми **вирдовыми (мюридскими)** братствами во главе с суфийскими шейхами и **устазами**, а также **институализированными** исламскими организациями - духовными управлениями мусульман (ДУМ). В результате распада единого Духовного управления мусульман Северного Кавказа (Махачкала) в каждой республике региона возникли самостоятельные ДУМ. Более того, в ряде ДУМ отсутствовало и внутреннее единство. Все это стало причиной того, что северокавказский традиционный ислам к моменту перестройки был ослаблен всем предшествовавшим историческим развитием в составе Российской империи и Советского Союза и в условиях начавшихся возрожденческих процессов попросту оказался не готов к осознанному сопротивлению чуждому и враждебному идеологическому вторжению.

В связи с временной слабостью традиционного ислама его зону воздействия попытались и все еще пытаются занять иные субъекты, как правило политизированные, можно сказать околоисламские или квазиисламские, поскольку большинство из них, строго говоря, мусульманскими не являются. Среди них - **институализированные** «исламские», а также национальные (или националистические) партии и движения. Зачастую они

исповедуют радикальные идеологии, не отвергая возможности осуществления радикальной практики для достижения политических целей. В ходе противостояния и борьбы с ними политизируется и **радикализуется** традиционный, прежде всего, официальный ислам.

Однако главным и наиболее опасным противником, антагонистом и одновременно оппонентом традиционализма в регионе выступает неовахабизм, который после событий в Дагестане в августе 1999 г. приобрел преимущественно ультрарадикальный (экстремистский) характер. Если сторонники традиционализма на первое место ставят сложившуюся на общероссийском поле северокавказскую идентичность, в рамках которой ислам - один из компонентов местной **традиции**, то запущенная извне **салафийя** требует от северокавказских мусульман ощутить себя легитимной частью исламской **уммы** мира, приобщиться к строительству халифата.

Сегодня на Северном Кавказе разворачивается, по сути, открытое сражение за право влиять на формирование постсоветской идентичности. В ходе этого противоборства определяется и, по всей видимости, окончательно определится облик мусульманина на Северном Кавказе, то, какие духовные ценности, социокультурные, а, следовательно, и политические ориентации станут для него приоритетными. Возобладает ли в его мировоззрении собственно российско-кавказская доминанта или он будет, прежде всего, «**исламоцентричен**». В первом случае приоритетность северокавказской традиции не будет фактором отторжения республик Северного Кавказа от России, а ислам - идеологией сепаратизма. Во втором случае ощущение полноценной включенности в исламскую цивилизацию потребует от кавказца переоценки собственной идентичности.

В настоящее время ни традиционный ислам, ни экстремистские течения не смогли успешно взять на себя роль доминантного интегрирующего фактора, однако их противостояние способствовало дальнейшей дезинтеграции северокавказской культуры и росту ксенофобии. В этих условиях интеграционная роль ислама, направленная на консолидацию населения региона на базе исламских ценностей и политико-правовой лояльности по отношению к российской государственности зависит от укрепления и усиления традиционного ислама, поддержки его государством.

Шестая глава «Крайние формы проявления исламского радикализма в северокавказском регионе и национальные интересы России» посвящена проблемам «исламского» экстремизма и терроризма на Север-

ном Кавказе и практическим действиям по блокированию исламского радикализма,

В первом параграфе *«Исламские» экстремизм и терроризм на Северном Кавказе* отмечается, что исторически на Северном Кавказе уже фиксировались определенные формы этнорелигиозного экстремизма и терроризма: наездничество (набеговая система); похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество; вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (после завершения Кавказской войны); политический бандитизм (20 - 30-е гг. XX в.); этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований.

Аналогичные явления в регионе вновь фиксируются с начала 90-х гг. XX в., вплоть до настоящего времени. Их детерминируют как исторический региональный опыт, так и современные эндогенные и экзогенные факторы. Россия на Северном Кавказе столкнулась с этнорелигиозным терроризмом, стала жертвой международного терроризма, который в качестве внесистемного геополитического игрока стремится расширить зону своего влияния, превратить регион во второй после Афганистана полигон институционального строительства в духе идей радикального ислама, в прибежище международных мусульманских террористов, торговцев оружием и наркотиками. Иначе говоря, особенность современного терроризма на Северном Кавказе заключается в сращивании на основе идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого аналогичными международными структурами.

Таким образом, можно утверждать о том, что северокавказские «исламские» экстремизм и терроризм носят, преимущественно, квазиисламский характер. При этом целью местных ультра-радикалов, выступающих отрядом мирового радикального исламского движения, является образование в регионе федеративного или конфедеративного исламского теократического государства «от моря до моря», что, по замыслам геополитических противников России, позволит вытеснить ее с Кавказа, ослабить и даже, в перспективе, расчленить.

Во втором параграфе *«Практические действия по блокированию исламского радикализма»* предлагаются конкретные меры, призванные блокировать, локализовать и в последующем ликвидировать проявления исламского радикализма в его крайних формах в регионе.

Стабилизировать ситуацию и блокировать развитие сепаратизма на **этноконфессиональной** почве, на основе знания сущности исламизма, можно только системой долгосрочных мер многопрофильной направленности. Основным направлением борьбы с **радикальным** исламским движением является устранение ключевых (социально-экономических и политических) факторов, детерминирующих развитие исламизма. Одновременно представляется необходимым решение следующих стратегических задач: в контексте борьбы с международным терроризмом совместно с зарубежными партнерами обеспечить противодействие исламскому экстремизму; на общероссийском уровне выработать гибкую политику в «мусульманском вопросе»; активно сотрудничать с традиционным и официальным исламом, а также с «умеренными» исламистами. Уважительно относиться к исламу как к мировой религии, ни в коем случае не идентифицируя его с фундаментализмом, а тем более с исламским радикализмом (экстремизмом, терроризмом).

Практическая система мер по блокированию исламского радикализма должна носить комплексный и взаимоувязанный характер, включая институционально-правовые, политико-организационные, социально-экономические и административно-силовые составляющие. Тактические методы парирования угроз национальным интересам и безопасности России со стороны исламского радикализма во всех его формах должны основываться на конкретных политических или иных решениях, принимаемых на уровне руководства страны и субъектов Федерации, при возникновении долгосрочной и конкретной опасности, создаваемой активностью радикального исламского движения.

В случае **непринятия** согласованных и выверенных мер на международном и всероссийском уровнях представляется неизбежным растекание идеологии исламизма и экстремистской практики в другие регионы мира, в том числе в государства Запада.

Половинчатость мер в борьбе с «исламским» терроризмом недопустима. К каким последствиям приводят заигрывания с сепаратистами и экстремистами всех мастей наглядно демонстрируют события в Афганистане, Чечне, Косово и т.д. Только совместными усилиями можно успешно противостоять транснациональной преступности, уверенно отстаивать право людей **на** жизнь, без должной гарантии которого все остальные права остаются банальной фикцией и преступным политиканством.

В заключении подводятся итоги исследования и делается акцент на **возможности** практического использования результатов научного анализа, предпринятого диссертантом.

Список основных публикаций по теме диссертации

Монографии:

1. Добаев И.П. Исламский радикализм в **международной** политике. - Ростов **н/Д**: Ростиздат, 2000. - 200 с. (12,5 п.л.).
2. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. - Ростов **н/Д**: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. - 80 с. (5 п.л.).
3. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. - Ростов **н/Д**: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. - 120 с. (7,5 п.л.).
4. Добаев И.П. Ислам в современных республиках Северного **Кавказа** (в соавт. с **С.Е.Бережным** и **П.В.Крайнюченко**). - Ростов **н/Д**: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. - 180 с. (10,6 / 3,6 п.л.).
5. Добаев И.П. **Исламский** радикализм: генезис, эволюция, практика. - Ростов **н/Д**: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. - 416 с. (26 п.л.).

Статьи, тезисы докладов и выступлений:

6. Добаев И.П. Исламский фактор в **этнополитических** процессах на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1998. - № 2. (0,2 п.л.).
7. Добаев И.П. Геополитика Турции на Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1999. - № 1. (0,8 п.л.).
8. Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. - 1999. - № 1. (0,4 п.л.).
9. Добаев И.П. Исламский терроризм как политическая практика // Насилие в современной России: Тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. - Ростов **н/Д**: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. (0,8 п.л.).
10. Добаев И.П. Исламская умма Северного Кавказа: проблемы институализации // Кавказ: проблемы **культурно-цивилизационного** развития и взаимодействия: Докл. всерос. науч.-практ. конф. - Ростов **н/Д**: Изд-во РГУ, 2000. (1 п.л.).

11. Добаев И.П. Исламский радикализм в современных **этнополитических** процессах на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). - 2000. - № 6 (12). (1 п.л.).

12. Добаев И.П. Ваххабизм как угроза региональной безопасности // Проблемы региональной безопасности и регионального экономического развития в условиях дифференцированной этнокультурной среды: Докл. междуна. науч.-практ. конф. - Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2000. (0,3 п.л.).

13. Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Матер. I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г., Ростов н/Д). - Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2000. (0,3 п.л.).

14. Добаев И.П. Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 6. (1 п.л.).

15. Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. - 2001. - № 3. (1 п.л.).

16. Добаев И.П. Исторические и **доктринальные** корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. - 2001. - № 2 (14). (1 п.л.).

17. Добаев И.П. Механизмы социальной и политической мобилизации в радикальном исламе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Северокавказское обозрение. Вып. №1 / Под ред. В.В.Черноуса. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. (0,2 п.л.).

18. Добаев И.П. Формы борьбы с религиозным экстремизмом в условиях формирования **гражданского** общества на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития: Сб. докл. всерос. науч. конф. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2001. (0,3 п.л.).

19. Добаев И.П. Пантюркизм как идеологическое обоснование политики Турции в отношении Кавказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2001. - № 3. (1 п.л.).

20. Добаев И.П. Традиционный ислам и **салафийя** в современной Чечне // Сотрудничество в Европе: перспективы и вызовы развитию: Мат. междуна. науч.-практ. конф. (7-10 июня 2001 г., г.Пушкино). - М.: «Гриф-Ф», 2001. (1 п.л.).

21. Добаев И.П. Радикальные политические институты исламского мира: этапы эскалации насилия // Центральная Азия и Кавказ. - 2001. - № 6 (18). (1 п.л.).

22. Добаев И.П. Традиционный ислам и салафий в этнополитических процессах Чечни // Современное положение Чечни. Северо-Кавказское обозрение. Вып. 4 / Отв. ред. В.В.Черноус. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. (1,2 п.л.).

23. Добаев И.П. Формы борьбы с религиозным экстремизмом на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2001. (0,4 п.л.).

24. Добаев И.П. Радикальные исламские организации в геополитической конкуренции // Современные проблемы геополитики Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. В.В.Черноус. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. (1 п.л.).

25. Добаев И.П. Исламский радикализм: природа и сущность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2002. - № 3. (1 п.л.).

26. Добаев И.П. К вопросу о типологии радикального исламского движения // Центральная Азия и Кавказ. - 2002. - № 3 (21). (1 п.л.).

27. Добаев И.П. Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 4. (1 п.л.).

28. Добаев И.П. Роль и место исламского радикализма в геополитике Кавказа // Научная мысль Кавказа. - 2002. - №4. (1 п.л.).

29. Добаев И.П. Экстремистские неправительственные религиозно-политические организации как средство геополитики исламского мира (Геополитика Кавказа: терроризм, этнонационализм, экстремизм: Мат. докл. и **выст.** всерос. **науч.-теор.** конф.) // Философия права. - 2002. - № 2. (1 п.л.).

30. Добаев И.П. Практические действия по блокированию регионального сепаратизма, выступающего под религиозным прикрытием // Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Южнороссийское обозрение. Вып. 12 / Отв. ред. В.В.Черноус. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. (1 п.л.) и др.